

Циннобер

— Папочка, папа, кто знал, что такое случится,
«Он самый лучший!» — с толку сбивала молва...
Девушка плачет, отводят прохожие лица,
Старый профессор не может найти слова.

Помнишь, на ордене тигра зелёно-пятнистом —
Когти кривые, ножи беспощадных клыков.
Слопав Циннобера, рты промокали батистом:
«Муха всегда виновата среди пауков».

Как я его любила, как я его жалела,
Сам поднимался — юн, образован и крут.
Каждый вельможа тащит мелочь поближе к телу,
Умных они не любят, самых отважных бьют.

Взяли ферзя на вилку — пешке пробиться легче.
«Он плагиатор!» — с толку сбивает молва.
«Доченька, хватит плакать, милая, время лечит», —
Старый профессор льёт на брусчатку слова.

Зависть и ревность в обнимку кочуют по сказкам,
В цахесы превращают, враками застят свет.
Девушка с новым другом пылким предастся ласкам,
Фея помочь не в силах, фей в Кёнигсберге нет.

Щелкунчик

Сказки сюжет оживает под скрипки в сочельник:
Мчатся снежинки, как рой потревоженных пчёл,
Кружатся в танце и, звёздами рухнув на ельник,
Старый башмак пробуждают — летающий чёлн.

Двое, обнявшись, парят над готическим храмом,
Мимо домов в снежных шапках и длинных плащах —
Чуду навстречу, где сладости детям задаром,
Феи вальсируют, крыльев слюдой трепеща.

Льётся река лимонадная чинно в бокалы,
Город конфет принимает желанных гостей
Так по-немецки... Да разве когда-то бывало,
Чтоб на Руси обходились без бури страстей?..

...Ноты-цветы разрывают листы партитуры
В пляске мелодий бессмертных Петра Ильича.
Выжил Мышиный король — свойство русской природы
Недругов лютых прощать, рубанув сгоряча.

Вместо Мари поцелует Щелкунчика Маша,
Встав на пуанты, как фея стройна и легка.
Гофмана сказка, отныне ты близкая, наша...
Старый башмак пробивает носком облака.

Гофман

Фалды— до пола, с кукиш— рукава.
Сюртук растёт— вцепилась мурава
В сукно из Граца миллионом пальцев
И вытянула сзади в длинный шлейф.
Мой Фабиан, беги же прочь, не дрейфь,
Ряды пополни нищих и скитальцев.

Поможет табакерка— нужный дар.
С Кандидой повенчался Бальтазар,
Сгорело вместе с прядкой наважденье,
Вернув талантам славу и почёт.
«Лишь Кракатук»,— поведал Звездочёт,—
«Принцессе Пирлипат сулит спасенье».

В холодном ветре царствует недуг.
Над микроскопом чахнет Левенгук,
В открытый зрак готовы прыгнуть блохи...
...Эрнст Гофман покидает погребок,
В портфеле груз вином залитых строк
О пасторальной княжеской эпохе.

Как саваном, накрыла город ночь.
Песочный человек, тебе ль невмочь,
Швырнуть остатки сна в глаза мазилы?
Пачкун, маляр, изгваздавший костёл...
Король мышиный близко— клык остёр
И колдовством утроенные силы.

На службу рано, но горит перо,
Ломая будни, жизнь ведя к zero,
Взрывает мозг фантазией абсурда.
Эрнст Гофман, Теодор и Амадей,
Изящным слогом усладит людей.
И саламандр, в каминах скрытых мудро.

Молочных капель проливая бель,
Рассвет подскажет: «Вот Натаниэль—
Безумием охваченный детина.
Ты помнишь, Цахес, как решила мать
Тебя на воспитание отдать
И навсегда избавиться от сына?»

Волшебный Гофман— немец во плоти,
Не сможет в душу русскую войти,
Лишь позабавит разум кунштюками.
Где жалость наша— там глумливый смех,
И мудрецом предстанет пустобрех,
И палочки волшебные— клюками.

А где любовь— присутствует расчёт.
Пусть женихи всегда наперечёт,
Но как же грубо мерить на цехины?
Был Кёнигсберг— теперь Калининград,
Чудесных сказок сладкий виноград
Не оплетёт забытые руины...